

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 13

**Санкт-Петербург
2013**

Мейсснер Б.

Стратегия, стратегическое руководство и стратегический контроль в древней Греции*

В настоящем очерке я намерен рассмотреть роль стратегий и стратегов, а также то, как исполнялся стратегический контроль в классической и эллинистической Греции. Вначале на отдельных примерах посмотрим, как развивались институты для принятия решений по стратегии на практике и как вопросы стратегии представлялись в теории.

Первый пример относится к описанию битвы при Марафоне, сделанному Геродотом: «Между тем мнения афинских стратегов разделились: одни высказались против битвы с мидийским войском, так как афиняне были слишком малочисленны; другие же (в том числе Мильтиад), напротив, советовали принять бой. Когда мнения так разошлись и верх стало брать худшее предложение, Мильтиад обратился к одиннадцатому участнику голосования, избранному афинянами по жребию полемархом (афиняне ведь издревле давали полемарху равное право голоса со стратегами). Полемархом же был тогда Каллимах из Афида. К нему-то и пришел Мильтиад...» (Hdt., VI, 109. Здесь и далее пер. Г. А. Стратановского).

Как видно, в данной ситуации главное командование у афинян отсутствовало. Задачей учреждений было обеспечить социальное и политическое единство в государстве. Ок. 509 г. до н.э. Клисфен преобразовал старинное племенное устройство афинского государства в более консолидированную общину и древние филы с местной функцией – в общую базу для набора. Вскоре рядом со старой аристократической должностью полемарха, «предводителя в войне», была создана коллегия стратегов. С этих пор, приблизительно с 500 г. до н.э., десять стратегов командовали контингентами десяти фил. Однако полемарх еще некоторое время участвовал в принятии военных решений. Афины во время сражения при Марафоне были в процессе развития, который превратил полемарха в должностное лицо, ответственное прежде всего за судебные разбирательства по ряду дел, и который привел к специализации стратегов, назначавшихся, к примеру,

---

* Памяти доктора Петера Гардинга (Фленсбург), моего учителя греческого языка, и в знак благодарности профессору Николаю Пирогову (Фленсбург–Екатеринбург), моему учителю русского языка. Кроме того, благодарю М.М.Холода за ценную помощь с языком.

для командования гоплитами, для обороны страны, для охраны портов, для решения вопросов, связанных с флотом, и т. д. Таковую специализацию Аристотель засвидетельствовал в IV в. до н.э., приблизительно сто пятьдесят лет спустя после Марафона (Arist. Ath. Pol., 61, 1-2; 22, 2-3). Итак, мы наблюдаем развитие от системы последовательной передачи командования в систему специализации и полупрофессионализма в среде афинских стратегов.

С подобным процессом были связаны вопросы иерархии, политические дебаты о стратегии и о проблемах стратегического контроля, развитие военного обучения и военной теории и разница в представлениях о стратегии и тактике. В рассматриваемое время в Греции были созданы такие агрессивные военно-политические образования, как Пелопоннесский союз, Делосско-афинская лига в V в. до н.э., произошло покорение македонянами греческого и восточного миров, а потом, в эллинистическую эпоху, появились военные монархии. Иначе говоря, в Греции изменилась политическая культура, а вместе с этим и система принятия решений в области политики. В V в. до н.э. вопросы войны и мира решало главным образом народное собрание граждан-мужчин, например, апелла в Спарте или экклесия в Афинах. Таким образом, вопросы войны и мира, стратегии и военной экономики стали вопросами политического общества.

Стратегия и стратегический контроль в V в. до н.э.

В 480 г. до н.э. многое изменилось по сравнению с системой последовательной передачи командования. Данная система была отменена. Ряд греческих государств, войдя в союз друг с другом, боролись с персами, жертвовали на общие военные нужды людей и корабли. Был учрежден совет представителей союзных общин для обсуждения вопросов стратегии. Главнокомандующим был выбран спартаец, с которым в качестве членов совета имели дело полководцы контингентов разных греческих городов. В данном случае греки частично скопировали централизованную структуру ахеменидского командования, но при сохранении гибкости и кантонализма своей политической культуры¹.

Геродот описывает принимавшиеся тогда греками решения об общей стратегии как решения демократического органа: «Когда эллины снова прибыли на Истм, то стали держать совет, где и как им вести войну после сообщения Александра. Верх одержало мнение, что следует занять Фермопильский проход. Этот проход был, конечно, уже прохода, ведущего в Фессалию, и ближе к их земле. О тропинке же, из-за которой погибли павшие в Фермопильском ущелье эллины, они тогда еще ничего не знали. Узнали же о ней только в Фермопилах от трахинцев. Этот-то проход эллины и решили занять, чтобы преградить путь варвару в Элладу. Флот же должен был плыть к Артемисию в области Гистиеотиды, потому что эти места находятся неподалеку друг от друга, так что

---

¹ *Meißner B. Strategies in Herodotus // The World of Herodotus / Ed. by V. Karageorghis, I. Taifacos. Nicosia, 2004. P. 223-237.*

из одного быстро можно узнать, что происходит в другом» (Hdt., VII, 175). И далее: «Эти-то оба места эллины и выбрали благодаря их удачному расположению. Обсудив все заранее и, кроме того, учтя, что варвары не смогут тут пустить в дело массу своей пехоты и конницу, эллины и решили в этом месте ожидать нападения врага. Когда затем стало известно, что персы уже в Пиерии, эллины распустили собрание на Истме и выступили в поход: одни – сухим путем к Фермопилам, а другие – морем к Артемисию» (Hdt., VII, 177).

В битве при Фермопилах стратеги (στρατηγοί) возглавляли контингенты отдельных городов, тогда как главное командование осуществлял Леонид (Ἡγεμών), который был особенно достоин восхищения (θαυμάζειν: Hdt., VII, 204). Примечательно, что не правовое положение, но лишь чувство определяет здесь функцию главнокомандующего. Леонид, хотя он и стоял за пелопоннесскую стратегию обороны Истма, следовал стратегии войны на истощение и блокирование врага в средней Греции, предпочитаемой другими греками (Hdt., VII, 206-207). Спартанцы в Фермопильской битве использовали тактическую хитрость: мнимое бегство, чтобы заставить врагов сражаться в теснине. Геродот это называет ἀποστρέφω и μεταστρέφω (Hdt., VII, 211). Такой прием являлся отклонением от нормальной тактики спартанских гоплитов (Hdt., VII, 104). Греки узнавали новую тактику, методы и варианты ведения боя, и это, по словам Геродота, им удавалось. Леонид погиб, сражаясь и лично командуя войском, подобно многим греческим полководцам классической и эллинистической эпох. Стратегический контроль в данном случае имел целиком личное основание (Hdt., VII, 224).

Было и другое, более важное, новшество, которое П. Педек, имея в виду Полибия, называл intellectualisme historique²: новая организация, решение о принципах стратегии, происхождение специфических задач из логики операции. Геродот описывал войну и командование как коммуникационный процесс и интеллектуальную деятельность, употребляя категории и предмет риторики³. Появилась определенная модель стратегических и оперативных решений⁴.

Новая организация, новые стратегия и тактика были удобны для борьбы против территориального государства, такого, как Персидская держава. Стратегия греков была компромиссом между интересами спартанцев, которые хотели блокировать Истм, и интересами афинян.

Стратегия и стратегический контроль в Афинах классического периода

При афинской демократии армия ею контролировалась: принципы отчетности и подсудности народному собранию, а также контроль последнего над

---

² Pédech P. La méthode historique de Polybe. Paris, 1964. P. 75 ss.

³ Meißner B. Strategies... P. 223-237.

⁴ Meißner B. Strategies... P. 231. Cp.: Hdt., VIII, 15.

расходами на вооруженные силы, – все это имело тогда место. Приведем в данной связи три примера.

В 440 г. до н.э. произошел вооруженный конфликт между Самосом и Милетом. Афины прибегли к интервенции и осадили Самос. Машины для этой осады построил Артемон из Клазомен (Diod., XII, 27-28; Thuc., I, 115-117; Plut. Pericl., 25-28). В конце концов самосцы сдались и признали у себя демократию. Есть аттическая надпись с указанием денежных сумм, взятых из храма Афины и данных стратегам для ведения операций против Самоса и против его союзника Византия, который был нужен афинянам для обеспечения контроля над Боспором. Война против Византия стоила 128 талантов серебра, осада Самоса, продолжавшаяся два года, стоила 368 талантов и 908 талантов, а в целом – 1276 талантов или ок. 32 тонн серебра (IG I³ 363 и 48)⁵, что в десять раз больше суммы, выделенной на осаду Византия. Перед Пелопоннесской войной, в 433-432 г. до н.э., три стратега получили 26 и 50 талантов для осуществления двух экспедиций на Керкиру (IG I³ 364). В 415 г. до н.э. афинская экклесия точно установила детали экспедиции в Сицилию: количество кораблей (60), число воинов, их жалованье (4 обола). При этом все ресурсы должны были использоваться только для данной экспедиции, ни для другого *ἔργου* или другой *στρατιᾶς* (IG I³ 93, особ.: d, g, стк. 47). Это значит, что афиняне проводили четкое различие между *ἔργου* и *στρατιᾶς*. Географические и временные рамки, детальное определение миссии и ресурсов ограничивали решения стратегов.

Политический контроль над военной деятельностью не был совершенен. Вместе с тем многие греческие воины неофициально участвовали в экспедиции Кира (к примеру, Ксенофонт), и некоторое из них присоединились к Агесилаю в 396 г. до н.э. (Xen. Anab. и Hell., passim). Из-за того, что они сами решали, что делать, их называли *marching democracy*⁶.

Осады и механизация войны увеличились, и все это способствовало тому, что зарождались учения о стратегии и обучение ей, стратегическая теория и литература.

Война и теория

Начало было положено софистами. Эвтидем и его брат Дионисодор преподавали стратегию для молодежи, желающей стать полководцами. Критикуя их деятельность, Ксенофонт впервые провел различие между тактикой и стратегией. В третьей книге «Воспоминаний о Сократе» он выводит образ молодого человека, который научился у софистов только тактике (Xen. Mem., III, 1,

⁵ На сегодняшний день подобное количество серебра стоило бы ок. 16 млн €. В Афинах эта сумма равнялась 765600 драхм, или 4593600 оболам, или приблизительно 1531200 дневным зарплатам (зарплата 4253 лиц в течение двух лет).

⁶ Ср.: Rood T. A Greek Army on the March: Soldiers and Survival in Xenophon's Anabasis // The Journal of Military History. Vol. 73. 2009. P. 625 f.

1). То же он отмечает и в первой книге «Киропедии» (Xen. Cyt., I, 6, 12-44)⁷. Софисты не учили *στρατηγεῖν*, потому что не уделяли внимания экономическим вопросам войны и качествам полководца; учили они только тактике, а не материально-техническому обеспечению армии и определению качества воинов (Xen. Mem., III, 5-10). Софисты учат *τάττειν*, но не *ἄγειν*. Вместе с тем тактика, как говорит Сократ Ксенофонта, лишь ничтожная часть стратегии (Xen. Mem., III, 1, 5-6).

Из критики сократической философией учения о стратегии софистов позднее появилась идея фон Клаузевица, которая определила функциональную иерархию между стратегией и тактикой. Для софистов наиболее важной частью стратегии были геометрия, риторика и *rôle pattern drills*⁸. Выступая против этого, Ксенофонт постулировал представление о стратегии как об изобретательном и новаторском искусстве. Командир, по словам Ксенофонта, должен быть изобретательным (*ποικητής*) в различных хитростях (*μηχανήματα*), применяемых против врагов (Xen. Cyt., I, 6, 38), подобно музыканту (Xen. Cyt., I, 6, 12-44).

Стратег должен читать собрания военных хитростей, и содержание этих книг, которое было сформулировано Ксенофонтом, походит на содержание более поздних собраний стратегем и теоретических книг о войне (таких, например, как сочинения Энея Тактика, Онасандра или Элиана). Структура и содержание античной военной литературы зарождается в интеллектуальном климате IV в. до н.э., начинаясь с военного профессионализма и критики софистического обучения⁹. Структура и содержание книг Энея Тактика, Онасандра и Элиана о войне походили на те, что определил Ксенофонт. Военная

⁷ Дионисодор учит *στρατηγεῖν* (Xen. Mem., III, 1, 1) и вместе со своим братом Эвидемом *περὶ τὸν πόλεμον πάντα* (Plat. Euthyd., 273 a-d). *Kerferd G. B. The Sophistic Movement*. Cambridge, 1981. P. 53 f., 63; Arist. Rhet., 1401 a 28 f.; *Sophistic el.*, 177 b 12-15; *Sext. Emp. Adv. math.*, VII, 13; 48; 64; Xen. Mem., III, 1, 11; Arist. *Magna moralia*, I, 25, 2-3; II, 8, 3-4; 13, 2; *Rhet.*, 1355 a 22-25; 1367 b 12-17; 1379 b 29 f.

⁸ И еще гопломахия: *Vela Tejada J. Warfare, History and Literature in the Archaic and Classical Periods: The Development of Greek Military Treatises // Historia*. Bd. 53. 2004. P. 129-146, особ.: P. 145.

⁹ Ксенофонт дает содержание этой литературы (Xen. Cyt., I, 6, 43): как надо разбивать лагерь, выставлять караулы, вести наступление и отступление, проходить мимо вражеских городов, брать крепости и отступать от них, переходить водоемы, защищаться против кавалерии, метателей дротиков и лучников, поступать при неожиданном появлении противника, разведовать планы врага и т. д. Ср.: *Aenaeas Tacticus*, *Onasandros* (10, 7; 10, 9; 10, 10; 10, 14); *Ael. Tact.*, I, 104 sq. *Meißner B.* 1) *Magie, Pseudo-Technik und Paratechnik: Technik und Wissenschaft in den Kestoi des Julius Africanus // Die Kestoi des Julius Africanus und ihre Überlieferung / Hsg. von M. Wallraff, L. Mecella*. Berlin; New York, 2009. S. 17-37; 2) *Die technologische Fachliteratur der Antike*. Berlin, 1999. S. 148 ff., 161 ff., 178 ff., 245 ff., 277 ff., 333 ff.

теория и военная литература стали с этих пор развиваться непрерывно. Здесь задавались вопросами: что такое военное руководство? как организовать войну? что сделать, чтобы заставить противника врасплох?

Стратегическое руководство в эллинистическом мире

Самой важной особенностью эллинистического мира была величина политических единиц: монархий, лиг и городов. Вторая особенность – централизм и склонность к секретам в процессе принятия решений, не в городах, а при дворах, на советах с φίλοι и ἑταῖροι. Третья особенность – механизация войны. В классической Греции граждане сами решали вопросы войны и мира и сами контролировали полководцев, чтобы те не установили тиранию. В царствах монархам приходилось контролировать все.

Когда войско Кира одержало победу при Кунаксе, он сам бросился на своего брата Артаксеркса и погиб (Хен. Anab., I, 8, 17-9, 6). Здесь мы видим одинокого полководца, который хотя и обладал верной информацией, но был лишен самообладания. Эта идея монарха-мономаха была распространенной в эпоху царского контроля над стратегией. Наглядное отражение данной идеи – «мозаика Александра» из «Дома Фавна» в Помпеях. Другими примерами, которые можно привести в связи с ролью контролирующего монарха, выступают Пирр, вступивший в единоборство с Пантавхом, полководцем Деметрия Полиоркета, в 289 г. до н.э., и Эвмен Кардийский, убивший Неоптолема, предателя и полководца Кратера, в рукопашной схватке в 321 г. до н.э. Однако в битве при Габие в 316 г. до н.э. Эвмену не удалось сохранить обоз, хотя ему и сопутствовал успех. Так что стратегический контроль в эллинистическую эпоху был обусловлен не только успехом в битве, как показывает данный пример. Эвмен погиб¹⁰.

Контроль и асимметричная война

Харизма и символический героизм использовались как инструменты для контроля армии в битве; это делалось для обеспечения ее сплоченности. Но в некоторых войнах, ведшихся без больших битв, контроль должен был проявляться другим образом. Иногда для обеспечения лояльности армии, ее командиров и должностных лиц на службе монарха применялся террор, особенно если сражались против противников, которые вели войну маленькими группами и которые, как общество, состояли из племенных, разрозненных единиц. Как раз это случилось в Афганистане, когда Александр и его армия изменили культуру руководства. Для

¹⁰ Meißner B. 1) Die Kultur des Krieges // Kulturgeschichte des Hellenismus / Hsg. G. Weber. Stuttgart, 2007. S. 202-223, особ.: S. 217-219; 2) Historiker zwischen Polis und Königshof, Studien zur Stellung der Geschichtsschreiber in der griechischen Gesellschaft in spätclassischer und frühhellenistischer Zeit. Göttingen, 1992. S. 413 ff.; Lendon J. E. Soldiers & Ghosts, A History of Battle in Antiquity. New Haven; London, 2005. P. 140 f. и passim.

борьбы против повстанцев Александру надо было рассредоточить свою армию и действовать малыми группами воинов, оперирующими более независимо. Большая армия и большие гарнизоны были полезны для разгрома империи Ахеменидов, но для контроля над родоплеменным Афганистаном нужны были более мелкие формирования и гарнизоны в крепостях, подобных македонской крепости в Курганзоле. Иногда македоняне использовали террор как показательную меру или как наказание их противников, чтобы те покорились, охотно предоставили материальные блага и более не совершали нападения.

В это время было трудно достичь стратегического контроля с помощью личного присутствия царя, поскольку последний был не в состоянии находиться на театре военных действий повсюду и всегда¹¹. Борьба против небольших групп разрозненных общин у Гиндукуша потребовала использования независимо действующих армейских формирований и таким образом частичной дезинтеграции армии, бывшей инструментом в руках Александра, пока шел процесс разрушения империи Ахеменидов. Установление контроля за такими районами, как Бактрия и Согдиана, – другое дело: война здесь стала отчасти ассиметричными столкновениями македонян, действовавших малыми, независимыми группами воинов, с повстанцами. Против этих повстанцев и племенных общин террор применялся как поучительная или карательная мера для достижения их покорности, желания передать ресурсы и пресечения нападений с их стороны, когда стало труднее достичь стратегического лидерства посредством личного присутствия.

Время от времени насилие в высших кругах самой армии (например, убийства Филоты и Пармениона) применялось для достижения подчинения в качестве поучительной меры. Александр присвоил себе роль суперчеловека, который мог действовать отчасти вне законных правил, который мог убивать своих высокопоставленных офицеров, как Клит, если желал того, или убивать всякого, кто протестовал против культуры нового лидерства, установленной при таких условиях (молодые аристократы, Каллисфен, см.: *Агг. Анаб.*, IV, 8-14). То, что мы наблюдаем в данном случае, – изменение в македонской культуре лидерства во время кампании в Афганистане. Пример тому – случай, произошедший в 329 г. до н.э. Македонский гарнизон в Маракаде был осажден повстанцами (*Агг. Анаб.*, IV, 5, 2): оказывая сопротивление македонянам, согдийцы учились тому, как организовать осадные операции, и македоняне прибегали к террору. Другой македонский гарнизон оказался в тяжелой ситуации в Зариаспе в 328 г. до н.э.: в городе находился царский двор, который защищала группа нездоровых всадников, включая и военного музыканта. К тому же там находилось около 100 наемников и несколько молодых аристократов-«пажей». Когда Спитамен и согдийцы вместе со скифской кавалерией разорвали область Кундуза, македоняне напали на них, отняли добычу

---

¹¹ Далее статья в пер. М. М. Холода.

и убили некоторых. Однако их враги устроили засаду, в результате чего были убиты 60 наемников и 7 офицеров высокого ранга (гетайров), а среди них и вышеупомянутый музыкант. Македонский гарнизон, хотя он и был большим, был практически уничтожен (Агг. Anab., IV, 16, 6-7). В этих источниках мы читаем о постоянной угрозе со стороны врагов, имевших преимущество 7:1. Это была та асимметрия, которая вела к развитию культуры нового лидерства и военной этики, которая характеризовалась террором на разных уровнях.

Конечным этапом в подобном развитии, согласно рассказу Арриана, была война в горах Согдианы (северный Афганистан – Бухара) зимой – весной 327 г. до н.э. (Агг. Anab., IV, 18, 4-21, 10): стратегический контроль исчез на нескольких уровнях и был заменен террором, и это было так, поскольку механизмы непрямого контроля были слабо развиты для операций, которые осуществляли небольшие группы воинов.

Одинокий и плохо информированный полководец как общее место в литературной традиции

Когда Птолемеевский Египет в правление неопытного Птолемея IV столкнулся с нападением Антиоха III в 218 г. до н.э., два самых влиятельных человека при дворе в Александрии, Сосибий и Агафокл, решили реорганизовать египетскую армию, введя в нее в добавок к македонским и греческим воинам египтян. Для этого Сосибий и Агафокл использовали македонских и прежде всего греческих военных профессионалов, чтобы возродить мощь армии практически с нуля. Наемники, подобно фессалийскому эксперту в кавалерии Эжекрату и еще дюжины других, которых Полибий называет по именам, были поставлены во главе больших отрядов (Polyb., V, 62, 7-65, 11). В битве при Рафии Антиох преуспел на своем правом фланге, но потерпел неудачу на левом, так как мобильным египетским всадникам удалось обратить всадников противника в бегство. Как обычно в сражениях эллинистического времени, фаланга в центре оставалась статичной и неактивной до самой последней фазы столкновения. Антиох уже занялся преследованием врага с помощью своей конницы, предполагая, что достиг полной победы: «Между тем фаланги, открытые теперь с обоих крыльев, оставались еще нетронутыми посреди равнины, колеблясь между страхом и надеждою за исход битвы. В это время Антиох был занят довершением победы на правом крыле, а Птолемей, отступивший под прикрытием фаланги, вышел теперь на середину боевого поля. Появление его навело страх на неприятельские войска, а своих преисполнило военного духа и мужества. Поэтому отряды Андромаха и Сосибия тотчас взяли сариссы наперевес и пошли на врага. Отборные сирийские воины некоторое время выдерживали натиск, но отряд Никарха быстро подался назад и отступил». Пока Антиох, неверно полагая, что он одержал победу, преследовал отступавших на противоположном фланге, Птолемей одержал решительную победу в центре, перестроив свои войска и неожиданно атаковав своей фалангой.

Это полностью подтверждается тем, что Антиох после отступления к Газе на следующий день обратился с просьбой получить доступ к полю сражения, чтобы похоронить своих павших воинов (Polyb., V, 85, 6-86, 6; особ.: 85, 6-10. Здесь и далее Пер. Ф. Г. Мищенко).

Мы видим обоих царей уступившими многое из сферы стратегического и оперативного планирования и командования профессиональным солдатам из Греции, Малой Азии и иных частей греческого мира. Тем не менее в сражении цари играют церемониальную роль, начиная его, а затем лично предводительствуя войсками в решающие моменты: сирийский царь преследует отступающих врагов, а египетский неожиданно атакует противника в центре. Поведение, весьма сходное с поведением промаха или мономаха, ожидалось даже от человека столь неопытного в военных делах, как Птолемей IV, которому было около 20 лет и который занимал престол менее чем 4 года. Но что более важно: ему или его советникам удалось эффективно влиять на ход битвы, осуществляя стратегический контроль над тем, что происходило.

Действия Птолемея, которые изменили исход битвы, были театральным представлением, нацеленным на контролирование и вдохновение его армии на наступление и находящимся под влиянием общих ожиданий и этики энергичного правителя; это представление было, по-видимому, срежессировано его военными экспертами и придворными советниками. При всем том данный инцидент как таковой показывает, что вопрос стратегического, оперативного и тактического контроля был основным в битвах эллинистического периода и что личное присутствие полководца либо правителя играло в них важную, если не решающую роль. Сильный элемент героического примера все еще присутствовал в такого рода ведении боя¹², несмотря на все перемены и профессиональное развитие, имевшие место с Греко-персидских войн.

Короче говоря, харизматическое лидерство и личное присутствие правителей на поле битвы оставались важной, хотя и театральной, стороной властвования, при том что планирование, тренировка и командование армией находились в руках профессиональных функционеров. Лидерство, командование и контроль стали частью сложного процесса коммуникации и действия, связанных друг с другом. Поэтому, хотя в обычных военных делах в большинстве эллинистических государств могли принимать участие многие люди, знание военного командования и коммуникационных структур, особенно в монархиях, оставалось ограниченным из-за узости кругов, в которых принимались основные решения. Однако эти структуры и обоюдные связи, лежащие в основе отношений между полководцами и их армиями, похоже, работали вполне эффективно.

Если мы посмотрим на примеры информационных связей между полководцами и армиями (или частями армий), то должны обратить внимание на один

---

¹² *Lendon J. E. Soldiers & Ghosts... passim.*

вымышленный случай, который, хотя он и содержится в греческом любовном романе, относящемся ко времени около христианской эры, происходит в идеализированном полувосточном мире эллинистического периода. В этом романе, написанном Харитоном из Афродисия, герой Херей, не обладавший никаким военным опытом, становится харизматическим лидером египтян, восставших против персидской власти. Позднее в романе он становится советником египетского царя и командующим в специальной операции против Тира, города, который осаждал Александр Великий и который юный герой атакует сходным образом. Эта операция была предложена самим Херем. Ее легитимность и ее позитивные перспективы были обеспечены шумным одобрением Херея солдатами, очень похожим на то, как римские войска вели себя по отношению к императору. Однако во время битвы полководец Херей вряд ли знает что-то о том, как проходит его операция: «На море же Херей одержал столь полную победу, что флот противника не мог ему более противостоять. Персидские корабли, не защищаясь от нападений египетских триер и не вступая в бой, тотчас обращались в бегство, некоторые прибитые к берегу были захвачены Хереем вместе с моряками. По морю во множестве носились обломки мидийских кораблей. Но персидский царь не знал об этом своем поражении на море, а Херей – о поражении пешего египетского войска, и оба они считали себя победителями на суше и на воде» (Charit. De Chaerea et Callirhoe, VII, 6, 1-2. Пер. С. В. Поляковой). Херей не знает, что он уже получил в руки свою любимую Каллирою, – факт, который вносит вклад в парадоксальное разрешение любовной истории. Это отсутствие информации – не просто ее отсутствие, но наличие смеси верных и неверных сведений: предположения обоих полководцев – полуправда и полунеправда. Исходя из своих сведений, они решают и действуют так, чтобы продолжение истории основывалось на информационном дефиците.

Подобный информационный пробел у действующего лидера встречается иногда и в историографии позднеклассического и эллинистического периодов (после Пелопоннесской войны). К примеру, в Полибиевой интерпретации битвы при Рафии, особенно в описании поведения Антиоха, обнаруживаются некоторые детали версии романа о неполном знании у лидера. Лидер приходит к неверным выводам из того, что видит: «Юный и неопытный Антиох воображал было, судя по собственному флангу, что и прочие части его войск также одерживают победу, а потому не переставал преследовать бегущих. Поздно уже один из старших возрастом воинов остановил его и указал на пыль, которая неслась от фаланги по направлению к их лагерю. Тогда Антиох понял случившееся и хотел было в сопровождении царского отряда бежать назад на поле сражения. Но увидев, что все войска его бегут, он отступил к Рафии, довольствуясь сознанием, что победа, насколько это зависело собственно от него, осталась за ним, а если битва проиграна, то лишь по малодушию и трусости прочих вождей» (Polyb., V, 85, 11-13). То, что в битве при Рафии – вопрос неожиданности и неполной инфор-

мации, в романе случается из-за полной дезинформации; Антиох изображен Полибием, как трагический герой, который действует и говорит на основе ложных предположений и потому неверным образом. Незнание того, что происходило в другом месте, появляется как литературный топос в художественной и нехудожественной литературе, чтобы описать и объяснить поведение отдельных выдающихся личностей и более того, чтобы дать этому оценку. Действительно, источник Полибия едва ли имел какую-то информацию о том, почему Антиох решил продолжить преследование своей кавалерией, или почему его фаланга не устояла против египетской атаки. С другой стороны, в египетской пропаганде победа в основном объяснялась поведением Птолемея в качестве монаха и его особыми отношениями с египетскими богами. Объяснение Полибия, однако, не воспроизводит эту египетскую пропаганду¹³, по крайней мере не всецело, которая даже представляла Антиоха не обладающим атрибутами царя. Вместо этого Полибий воспроизводит стереотип, который он также относит к иным полководцам. Подобно Антиоху, Эвмен описывается им как полководец тактически успешный в битве, но чья неверная оперативная информация и стратегические решения трагически приводят его к поражению в войне. Филипп V просто описывается как трагический царь и полководец. В битве при Киноскефалах в 197 г. до н.э. Полибий изображает его столь же плохо информированным, сколь и Антиох при Рафии 20 лет ранее: «Что касается Филиппа, то, как мы сказали выше, он заключал о ходе сражения по той части войска, в которой сам находился, и потому вообразил македонян решительными победителями; но потом, когда увидел, что македоняне вдруг бросили оружие и что неприятель нападает на них с тыла, он с немногими конными и пешими воинами покинул на минуту сражение, чтобы рассмотреть общий ход дела. Тут он увидел, что римляне преследуют его левое крыло и уже приближаются к вершинам, собрал вокруг себя, сколько мог, фракийцев и македонян и пустился бежать» (Polyb., XVIII, 26, 6-8). Вопреки тому, что он говорит, Полибий уже упомянул успех Филиппа на правом фланге, но ничего не сказал относительно выводов, которые Филипп из этого сделал. В этих обоих случаях у Полибия ложная точка зрения полководца изображается сходно и сходными словами: из своего частного опыта полководец делает неверное общее заключение, и хотя он полагает, что победил, он проигрывает сражение. В этом топосе об одиноком царе и полководце имеется небольшой антимонархический элемент, который содержится в сюжете общения римского дипломата и полководца Тита Квинкция Фламинина с Филиппом до сражения. Когда в присутствии Тита и многих греческих послов Филипп попросил, чтобы условия были поданы ему в письменной форме, так как у него нет советников для консультации, римлянин, говорят, на это ответил: «Понятно, Филипп, почему ты одинок теперь: ты

¹³ Suppl. Hell., 979; Gauthier H., Sottas H. Décret trilingue en l'honneur de Ptolémée IV. Kairo, 1925; Thissen H.-J. Studien zum Raphiadekret. Meisenheim a. Glan, 1966. Ср.: Huß W. Ägypten in hellenistischer Zeit. München, 2001. S. 388-403.

погубил ведь всех друзей, которые могли бы тебе преподать прекраснейший совет» (Polyb., XVIII, 7, 6)¹⁴. Одиночество полководца – общее место в литературной традиции, которое имеет некоторый полемический подтекст: одинокий царь и полководец – трагический и в конце концов неудачный герой, тем более если он противостоит Риму.

Список использованной литературы

- Boëldieu-Trevet J.* Commander dans le monde grec au Ve siècle avant notre ère. Besançon, 2007.
- Formen des Krieges. Von der Antike bis zur Gegenwart / Hsg. D. Beyrau, M. Hochgeschwender, D. Langewiesche. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2007.
- Gauthier H., Sottas H.* Décret trilingue en l'honneur de Ptolémée IV. Kairo, 1925.
- Huß W.* Ägypten in hellenistischer Zeit. München, 2001.
- Kerferd G. B.* The Sophistic Movement. Cambridge, 1981.
- London J. E.* Soldiers & Ghosts, A History of Battle in Antiquity. New Haven; London, 2005.
- Meißner B.* Historiker zwischen Polis und Königshof, Studien zur Stellung der Geschichtsschreiber in der griechischen Gesellschaft in spätklassischer und frühhellenistischer Zeit. Göttingen, 1992.
- Meißner B.* Die technologische Fachliteratur der Antike. Berlin, 1999.
- Meißner B.* Strategies in Herodotus // The World of Herodotus / Ed. by V. Karageorghis, I. Taifacos. Nicosia, 2004. P. 223-237.
- Meißner B.* Die Kultur des Krieges // Kulturgeschichte des Hellenismus / Hsg. G. Weber. Stuttgart, 2007. S. 202-223.
- Meißner B.* Magie, Pseudo-Technik und Paratechnik: Technik und Wissenschaft in den Kestoi des Julius Africanus // Die Kestoi des Julius Africanus und ihre Überlieferung / Hsg. M. Wallraff, L. Mecella. Berlin; New York, 2009. S. 17-37.
- Pédech P.* La méthode historique de Polybe. Paris, 1964.
- Rood T.* A Greek Army on the March: Soldiers and Survival in Xenophon's Anabasis // The Journal of Military History. Vol. 73. 2009. P. 625-636.
- Thissen H.-J.* Studien zum Raphiadekret. Meisenheim a. Glan, 1966.
- Vela Tejada J.* Warfare, History and Literature in the Archaic and Classical Periods: The Development of Greek Military Treatises // Historia. Bd. 53. 2004. P. 129-146.
- Walbank F. W.* Philippos Tragodoumenos. A Polybian Experiment // JHS. Vol. 58. 1938. P. 55-68.
- Wiseman T. P.* Clio's Cosmetics: Three Studies in Greco-Roman Literature. London, 1979.

¹⁴ *Walbank F. W.* Philippos Tragodoumenos. A Polybian Experiment // JHS. Vol. 58. 1938. P. 55-68. Относительно топосов в греческой и римской историографии ср.: *Wiseman T. P.* Clio's Cosmetics: Three Studies in Greco-Roman Literature. London, 1979.